

Юана Фокс

Сказки для страшных снов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юана Фокс

Сказки для страшных снов

<https://litres.ru/56441784>

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05193-5

Аннотация

Тринадцать сказок мастерицы Юаны, страшных и чарующих, чтобы вы спали тревожно и сладко!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Амене карамбола инномачи	4
Снегения	11
Вороника	18
Двое	24
Лучок	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Амене карамбола инномачи

– Мама, мама, смотри, шарики, шарики раздают! Возьмём один, а? И вату, сахарную вату, мам!

Нарядная городская ярмарка гудела шарманками, кричала зазывалами, взрывалась музыкой и детскими голосами.

– Сеньоры и сеньориты, джентльмены и леди, бароны и баронессы, господа взрослые и господа детишки! Цирк Золотой Луны приглашает вас в мир волшебства и чистейшей магии! Единственное представление, всем на удивление! – кричал великан-ходулист в полосатых штанах и высокой шляпе, ловко приплясывая на журавлиных ногах.

Через толпу продирался толстый низенький человек. Самый обыкновенный дядька, потный и кислый. Но почему за ним тянулась живая гирлянда? Дядька ворчал и злобно сверкал глазами, отпугивая назойливых детей. Те робели и отступали на шагочек, но никакая сила на свете не могла оторвать их от чемодана. Ярко-розовый, истрёпанный, обитый по углам кислотного-жёлтыми треугольниками, выедающий глаза, как варёное яйцо. И в нём кто-то пел! Конечно, если вы взрослый и занятой, то вы ни за что бы не расслышали этот скрипучий, ворчливый голосок, завывающий без слов, будто в чемодан заперли ветер с дымовой трубой, чтобы ему не так скучно было. Но если вам отважные пять лет... тогда у вас просто нет выбора: шпионить за злым дядькой

или вернуться к маме. Тут даже угроза получить по попе кажется небольшой ценой!

А толстяк вдруг встал и, швырнув чемодан оземь, рявкнул:

– Кыш, вы, отродье!

Ребягня так и бросилась врассыпную. Лишь маленький разбойник Арчи притаился за будкой с сахарной ватой и огромными глазами смотрел, как противный мужик, не забывая ни капли о розовом шёлке, пинает чемодан и орёт на него неразборчивую абракадабру. А потом он отлепил один из уголков, и мальчишка поклялся бы ржавой старинной монетой, закопанной под плакучей ивой на заднем дворе, что оттуда высунулась крохотная зелёная ручка и выхватила кусочек сахара из рук дядьки.

– Арчибальд Броуди! – гаркнула над ухом мама, и это самое ухо вспыхнуло огнём. – Сколько раз тебе говорить, собака такая, не убегай, я чуть с ума не сошла! Какого чёрта ты творишь, тут кругом пьяные клоуны, лошади и слоны!

– Слоны?! – подпрыгнул Арчи, а мать уже тащила его, нелюбезно расталкивая любезных сограждан.

– Шевели штанишками, надо занять лучшие места, не то будешь сидеть в проходе или вообще на балконе!

Парнишка тревожно закрутил головой, но розовое пятно уже растворилось в разноцветном безумии вокруг шапито. Эх, мама, что ты наделала? А мать, как всех и всегда, обругала старого неопрятного билетёра в задрипанном малиновом

камзоле, и разверстая пасть полосатого чудовища проглотила их.

Юный Броуди разрывался между ожиданием заветных слонов и мыслями о розовом поющем пятне. Что это было?! У кого бы спросить? Мать отвесит затрещину, отец презрительно усмехнётся... Плохо то, что никого рядом с Арчи не было, все разбежались, трусливые курицы! Надо было слинять от мамы, пролезть под полотном шапито, где-то же должна быть лазейка...

Хулиган Арчи грыз ногти и елозил на жёстком сиденье. Он даже не подозревал, что за кулисами, где пудрятся пьяные клоуны и маленькие китайские акробатки натягивают полосатые трико, сверкают в пыльной полутьме три пары жёлто-золотых глаз. Одна пара пристально следит, как набирается публикой зал. Вторая пара то гаснет, то вспыхивает за стойкой с костюмами. А третья... а где же она? Вот ведь проныра! Ах, вот же он, обладатель шершавой кожи и прозрачных крылышек, длинным когтем портит защёлки реквизита для фокусов! Секунда – и никем не замеченный в сосредоточенной суете наш взломщик исчезает под изумрудной попой слона. Слон ёжится, перетаптывается, но заговорщика не выдает. Его нервирует только нарастающий гул толпы, а толпу нервирует ожидание начала шоу...

«Та-та-та-да!» – оркестр взорвался, как забродившая бочка пива, и вылил на публику буйную музыкальную пену.

– Дамы и господа, леди и джентльмены, почтенная пуб-

лика! – отчаянно пыжился конференсье, но «почтенная публика» продолжала шуршать закусками, ржать и болтать так, что всё сливалось в одно большое: «Тралалалала, ахахаха, быр-быр, бабадаадааамм!»

Что тут можно было сделать? Этот город видел всё. Антрепренёр отчаянно вглядывался в тысячу пар глаз одного скучающего существа. И всё больше понимал, что ему нечего здесь ловить. Парад полуголых танцовщиц? Пфффф, даже свежие сплетни соседки увлекательнее! Танцующие пудельки, лошадь, умеющая считать? Верните мне мои деньги, я лучше в ближайшую пивнуху их отнесу! Клоуны, выставяющие посмешищем случайного бедолагу из зала? Ну-ка, ну-ка, да этот недотёпа бывший помощник мэра? А вот это уже интересней! Пожалуй, это мы бы глянули на бис!

Вслед за полусмешными клоунами конференсье шёл на манеж как на плаху. Растянул рот в фальшивой улыбке, сообразил, что это не то, поменял маску на «Мистер Таинственность» и вознёс, как молитву:

– Дамы и господа, маленькие леди и юные джентльмены! Приготовьтесь к настоящему чуду!

Дамы и господа прохладно вперились в прощельгу. Дети хихикали, стулья сиденья скрипели под уставшими задками. Публике по-прежнему слышалось ниочёмное «блаблабла, тратата!»

– Встречайте бурными аплодисментами! Маэстро Дормиро Иеронимус Бласт!

Конферансье поспешно ретировался и на арену чинно прошагал... тот самый злобный толстяк! Теперь его пузо туго обтягивал бархатный, красный пиджак с золотыми пуговицами, на шею он навертел шёлковый изумрудный шарф. Подкрасил рожу и надел расфуфыренную шляпу, так сразу и не узнать – но вот же, волочет говорящий розовый чемодан!

– Это он!!! – заорал Арчи в третьем ряду, не нарочно тыкая в спину впереди сидящего джентльмена.

– Арчи! – больно дёрнула его мать за плечо. – По шее давно не получал?!

Мальчишка зажал себе рот рукой и уставился на арену во все глаза. Маэстро поставил чемодан на тумбу, сделал многозначительное лицо, воздел руки. Чемодан зашатался, дёрнулся и поднялся в воздух. Публика не спешила одобрять, мол, здоровей видали.

Дядька недовольно зыркнул по рядам и, выделявая пассы, толкал розовый ящичек то вперёд, то назад, не прикасаясь. А сам всё на публику косился. Вялые хлопки, скучающие лица... У великого маэстро явно всё шло не по плану! Он напыжился, как помидор и, закатив глаза, зычным голосом понёс несусветную тарабарщину:

– Амене карамбола инномачи, игнорабичи бадаракабас!

Чемодан грохнулся на песок. Дядька открыл глаза и, тяжело дыша, склонился над проклятым реквизитом. «Ну, давай же, давай!» – шёпотом заклинал он. Чёртов ящик не отвечал долгую секунду... две... И вдруг подлетел, распахнулся,

и рычащий зелёный вихрь вцепился артисту в лицо! Дядька заорал не своим голосом и заметался по арене, брыкаясь и визжа. Во все стороны летели брызги крови, клочки шейного платка, пуговицы... Публика вопила, женщины визжали, хотели дети, кто-то швырнул на арену пакет попкорна! Аппетитные комочки моментально пропитались красным. Под смех и улюлюканье довольной толпы зеленая чучундра повалила горе-фокусника на песок и одним размашистым, точным движением оторвала ему голову. Кровь хлынула фонтаном прямо в чемодан. Похоже, он был безнадёжно испорчен...

Но шоу, безусловно, спасено! За кулисами дрессировщик слонов попытался рвануть на помощь, но антрепренёр решительно остановил смельчака, жадно всматриваясь в очечневшие зрительные ряды. В воздухе звенел тяжёлый кровавый запах настоящего успеха!

А тем временем маэстро Дормиро Иеронимус Бласт или то, что от него осталось, в последний раз шаркнул ногами по песку и затих. То ли неизвестная науке обезьянка, то ли карлик слез с его безголовой туши, деловито отряхнулся, стащил с мёртвой головы цилиндр и, куртуазно отставив ножку в расписном сапожке, раскинул ручки, будто готовый принимать аплодисменты.

Повисла леденящая тишина. Можно было расслышать, как волоски шевелятся на руках тысячи зрителей. Лепрекон водил умилительно-зловещей мордашкой по рядам, и каза-

лось, сейчас он скажет: «Вы, мадам, да, вот вы – выходите к нам, я распилю вас на части!»

– Какого... какого дьявола... Помогите, помогите ему кто-нибудь! – отчётливо шипел за кулисами укротитель львов. Зелёный карлик повелительно махнул в его сторону когтистой лапкой, и тот заткнулся.

Безобразник благодарно кивнул и ощерился в зубастой улыбке. Он раскланялся публике, сердечно прижимая к затянутой в расписную жилетку груди свободную зелёную ручку.

– Ап! – проорал он и жестом записного франта водрузил на рогатую голову намокшую шляпу. Кровавые струйки расползлись по его уродливой мордахе.

Толпа наконец вздохнула и взорвалась в чистом экстазе:

– Bravo! Bravo!!! – бушевали зрители, отбивая ладони в котлетки.

Громче всех орал маленький Арчи:

–Я знал! Я видел, я видел! Я знал!

Но его голосок потонул в восторженном рёве толпы...

За кулисами антрепренёр, чертыхаясь, ломился сквозь кучку обалдевших артистов, а конферансье лихо седлал белую красавицу-лошадь. Та встала на дыбы и попятилась. По форгангу, сминая всё в кашу, тараном пронёсся слон. Трубный рёв поглотил хохот и визг золотоглазых его укротителей.

Снегения

– По правде сказать, это я понаделала! – она махнула лохматой головой, улыбаясь во весь рот. Август проследил за её взглядом. Дорожка из мокрых следов тянулась от открытой двери к босым ногам девушки. Август открыл рот и забыл его закрыть. Он стоял как истукан и глядел на худенькую оборванку. В дрожащем свете свечи она казалась призраком или сном.

– Ты... – попробовал было подать голос парень, но воздух не шёл ему в горло, и он закашлялся. Девушка пожалала плечами и склонилась над сундуком, полным колотого льда. Её длинные пальцы заскребли по кованной крышке:

– Ну, чего уставился? Помоги, что ли! – весело прикрикнула она, и Август наконец очнулся:

– Ты кто такая и какого... хм... что ты...

Не хотелось выражаться, как простолюдин, но ведь и настоящим дворянином он не был! Какой же тон подобрать? Заговоришь, как господин – обсмеёт, тоже мне, мусье, в подштанниках за три цента! А бранную и хлёсткую речь он пока ещё не освоил – всего пару месяцев дурные районы осваивает.

– В общем, отвечай, девица, что ты делаешь в моём доме, и кто дал тебе разрешение оставлять дверь открытой в такую позднюю осень!

По ногам и правда ощутило дуло, но сдвинуться с места и закрыть дверь он не решался. Слишком уж всё это нелепо и неловко. Да он попросту идиот! Стоит тут, в халат кутается, физиономию гордую корчить пытается, а сам ни-че-го-шеньки не понимает! Девушка не прекращала попыток забраться пальцами в ящик, ногти её скреблись, как у крысы под кроватью, брррр! Августа передёрнуло. «Господь Вседержитель, а что делать-то? Орать “помогите”? Против девушки?! Неуклюжая я кочерыжка, вот кто!»

– Да-да, я и говорю – осень, слава северным ветрам, ещё чуточку, и... а, не о том я! – замахала руками девушка. – Так ты помогать мне будешь или нет? Смотри уже, сколько воды я потеряла, убить меня хочешь?! – взвизгнула она и уставилась на Августа огромными тёмными глазами.

– Да-да, сейчас, кхм, леди... Не знаю, к сожалению, имени вашего!

Девушка фыркнула и закатила глаза:

– Уф, да нет у меня имени! И не будет, если ты мне сию же минуту не соизволишь помочь!

Она ехидно сузила глаз и изобразила корявенький книксен. Август прыснул на огонёк свечи, тот недовольно зашипел, но выдержал. Парнишка суетливо приблизился к девушке, она зашипела, точно как свеча и отшатнулась.

– Обалдел, с огнём ко мне лезть? – заорала она и ударила Августа в плечо, да так, что его прошило ледяной болью. Будто куском льда приложили.

– Да, кстати, а лёд тебе зачем? – рассеянно потирая плечо, спросил он. «Сильная какая!» – думал он, глядя, как девушка обходит сундук по кругу на длинных поджарых ногах. «И какая красивая!» Парень невольно залюбовался ею. Ладная, гибкая, по-кошачьи грациозная. Бледная, голубоватая в лунном свете из высокого окна кожа, огромные глаза, маленький, чётко очерченный рот кривится, губы кусает. «Фея!» – ахнул про себя Август и сделал к ней маленький робкий шагочек. Но тут же подпрыгнул, стопу обожгло холодной водой. «В лужу наступил, чёрт!»

– Ой, вы простите, миледи, я вам помогу!

Он нажал потайной рычажок, и ящик распахнулся. Девушка вскрикнула, будто тот был полон несметных сокровищ.

– Но это же всего лишь...

– ЛЁД!! – выкрикнула девушка и зарылась в него руками и лицом. Оторопевший Август замер, наблюдая, как фея запикивает в рот двумя руками льдины, крошит их зубами, облизывает пальцы, стонет и урчит от удовольствия, как бешеная кошка.

– А вы... – робко прошептал он, совершенно не уверенный, что собирается сказать.

– Угум? – буркнула девушка с набитым ртом и повернула к нему кукольное лицо. – Ща, секунду!

Она заглотила ещё горсть мелкого льда и удовлетворённо осела на пол.

– Ну вот, теперь говори, чё ты там хотел?

– Я... да я, впрочем, так сказать, и ничего, – залепетал Август. А девица уже ползала на четвереньках вокруг него, возя ладонями по лужицам, и Август мог бы на Библии поклясться, что вода попросту впитывалась в её кожу!

Наконец девушка поднялась и встала перед Августом, отряхивая жутко рваное и пугающе неприличное короткое платье.

– Слушай, я тут пока, как у вас говорят, подзависну? – она панибратски ударила его кулаком в ключицу, и широкая улыбка феи-разбойницы озарила её лицо.

– А, да-да, разумеется! – проблеял Август. «Что я наде-
дел?! Она меня ограбит и убьёт! Ма-ма...»

– Шикардос! – пропела девица. – Я только до первого сне-
га, ага! – И ловко уселась нога на ногу прямо на ледяной сун-
дук.

– Но, миледи, если вы не против, то я нуждаюсь в вашем
ответе на один вопрос – почему вы выбрали именно моё
скромное жилище?

– Ой, да тут всё просто! Ты представляешь, нигде льда
нет!

– А... аaaa! – многозначительно протянул Август, ни чер-
та не понимая.

– Ну а мне ж до снега протянуть как-то надо! Уже вон как
подтаяла, видал, лужищи? Непруха, да?

Август только кивнул в ответ. Чурбан-чурбаном! А она
такая необыкновенная! Грубая, простая, но это самая насто-

ящая из всех девушек! Ни в какое сравнение с безжизненными манекенами – куклами с шёлковыми мозгами в фарфоровых головах из его прошлой жизни!

– Да, полагаю, в округе сложно встретить человека, занятого научной деятельностью, кому бы ещё мог понадобиться лёд в доме!

– Да держат они его в погребах, я ж чую, съестной запах так и прёт из-под земли, да как до него просочиться? Думала, помру и зима меня не заберёт, как вдруг!.. – она вскочила с горящими глазами и, воинственно откинув тёмную прядь с лица, прихлопнула тонкой рукой свечу. – Шшшш, то-то же!

Август хотел был испугаться, но передумал. В свете полной луны свеча была не нужна. Он и без огня на неё засмотрелся... как она смеётся, как она глядит на него, ах!

– В общем, подвалило мне снежочка, что ты на виду еду держишь, добрый ты, не прячешь, как другие!

– А как тебя зовут? – выпалил Август и смутился.

– Меня? – она задумалась, наморщив идеальный белый лоб. – Не зовут меня, вот всё жду, когда уже снег пойдёт.

– А лед почему ела? – не унимался проклятуший Августов рот, будто зажил самостийно.

Она расхохоталась так, что стёкла зазвенели!

– Ты дурак, что ли, совсем? – утирая слёзы, спросила он. – А что мне ещё есть-то, не капусту же с сосисочками!

– А почему нет... – пробормотал Август, смущаясь. Ноги у него уже совсем заледенели, но он забыл про открытую

дверь. Он и себя самого забыл, всё на неё смотрел... Она вдруг вся напряглась, вытянулась и строго приложила к губам палец:

– Тихо!

Он послушно замолчал. «Не отпущу её, кто бы она ни была, женюсь, баронессой сделаю!» – уже крутились радостные детско-восторженные мечты.

А она подпрыгнула, крутанулась на босых пятках и подбежала к окну. То, будто только того и ждало – распахнулось под порывом ветра. Сквозняк прошёл волной сквозь всё тело Августа, он обхватил себя за плечи. Зубы стучали, но он всё равно сказал:

– Ты выйдешь за меня?

– Что? – она обернулась, рассеянная и мечтательная. На волосах её оседали первые роскошные снежинки. – Снег! Снежочек мой, мать святая Туча! – пролепетала она нежно, как ребёнку. Про Августа она, похоже, уже забыла. Высунулась в окно, руки тянула, ловила белый холодный пух.

– Пожалуйста, прошу тебя! —выкрикнул Август и протянул к ней руки. А она... она уже вскочила на окно, застыв на мгновение. Он успел только сделать два шага, как она раскинула руки, подняла голову, глубоко вдохнула, захохотала неприрученной птицей и...

– Нееееет!!! – заорал он, пытаясь ухватить её. Но она уже шагнула в густую кружевную мглу. Один прыжок – он у окна, едва сам не выпал, ухватился за подоконник, дикими глаза-

ми глядел, как она, фея, она, божество – растворится лёгким призраком в воздухе, рассыпается сотней, тысячей снежинок...

– Снегения, тебя зовут Снегения! – прошептал он, и горячая слеза задрожала на его длинных ресницах. Большая, пушистая снежинка закружилась, упала на его приоткрытые губы и растаяла единственным её холодным поцелуем.

– Снегения! – закричал он, отчаянно и горько. Лёгкий порыв ветра, играя, закружился белым вихрем. Август отчётливо разобрал тихий, прохладный шёпот: «Снег не любит, не плачет и не ищет самого себя! Прощай...»

Вороника

Солнце зашло, и на тайный сад опустился туман. Вороника проснулась от голода. Развернулась во весь рост, тревожно всмотрелась и вслушалась в сырую ароматную темноту. Где же Она?! Каждый вечер Вороника точно знает, что Мать придёт, но каждый раз опасается, что этого не случится. Вдруг кто-то выполол или затоптал её? Или забыл полить... и Мать зачихала, не в силах подняться и покормить Воронику? Но что это... Не она ли?! А нет, всего лишь ворон сел на ветку над головой Вороники. «Убирайся, проклятая птица, ты мешаешь мне! Я жду Матушку, разве не понимаешь?!» А ворону и дела нет, знай, мышей высматривает. Фу, вот уж эти твари так твари! Пока Вороника не узнала что смертельно ядовита, она боялась дьявольских пискучих комков, как огня! Подкопают корни и сожрут стебли, брррр! Сколько вокруг страшных вещей! Однажды тут неподалёку какие-то мерзкие людишки развели костёр, его жар доставал до бедной Вороники, всю ночь слушала она стоны и предсмертный плач травы под огнём. А огонь хохотал и набивал себе пузо всё новыми и новыми мёртвыми деревьями... Вороника позавидовала и ворону, и мыши – те могут просто взять да убежать, а ей, растению, вшитому корнями в землю, как сбежать? Ох, ох, Матушка упаси! Вороника погрузилась в свои кошмары и пропустила легкие шаги... Она идёт!

Листочки затрепетали, гибкие веточки Вороники нетерпеливо потянулись к любимой Матери. Высокая худая женщина склонилась над своей любимицей. Изумрудный бархат её платья укрыл недовольную траву вокруг Вороники. Трава заворчала, но кому до неё дело есть? Вороника вытянула навстречу Женщине лисьи мордочки бутонов. Женщина погладила их, ласково взяла в ладони едва зародившийся, крохотный, зелёный и твёрдый плод.

– Завязь, – с придыханием прошептала она. Глаза её горели лихорадочным огнём.

– Ты моя умница, ты моя красавица! – шептала она, поглаживая безымянным пальцем тёмные, жёсткие и шершавые листочки. Вороника млела и льнула к Матери, как крошка-лисёнок.

– Скоро, совсем скоро, моя малышка!

Мать приблизилась и невесомо коснулась завязи прохладными губами.

– Мы с тобой победим, вот увидишь! – ворковала она, что-то выискивая у себя за спиной. Вороника не могла разглядеть, да ей было всё равно. Она жадно ждала еды. Женщина вынула острую заколку из причёски, и роскошный водопад цвета заката хлынул ей на плечи.

– Ап-па-па! – ласково пропела Мать и проколола себе палец. Ни единой жилки не дрогнуло на безупречном лице. «Кровь!» – возликовала Вороника. Она всего лишь раз попробовала Матушкиного «алого вина», как та сама его назва-

ла. Это было упоительно вкусно и невероятно давно – по человеческим меркам прошло, наверное, недели три, когда первые ростки Вороники пробили землю. Вороника так и не научилась разбирать, как народ её Матушки ведёт отсчёт. Для неё существовали лишь пустые сонные и жаркие дни и тревожные, полные чарующих и обольстительных видений ночи. Она жила мыслями Матушки, её надеждами. И ожиданием её ласки, её угощений.

– Пей, моя сладенькая! – приговаривала женщина, окропляя тяжёлыми темными каплями зёрнышко завязи Вороники. Если б Вороника могла стонать, она без стыда заливалась бы стонами удовольствия, так невероятно вкусна была кровь Матушки. Она готова была впиться в палец Матушки и с благоговением и восторгом выпить её всю всю до капельки! Болезненное детство Матушки горчило, как сок мёртвых насекомых. Её отрочество отдавало мёдом и полынью. Её побег из развалюшки на краю деревни обжигал, и на миг Вороника ощутила себя острым перцем. Хижина дряхлой ведьмы, таинство нерушимой связи с подземным миром, ведьмина смерть, её наследство для юной ещё Матушки – всё это вливалось в Воронику горячительным, пряным потоком. Будь у неё голова, она бы кружилась от случайной встречи глазами с Тем мужчиной... Будь у неё самой глаза, она бы рыдала над его телом, пронзённым стрелой нанавистного короля. А сам король, который решил, что подстрелил оленя, спешащий через колючие кусты напрямиком к его будущей королеве, от-

давал подгорелым, лежалым беконом. А каким кисло-сладким, густо присыпанным солью и копчёной паприкой был её первое: «Отрубить ему голову!» Могущественная, великолепная Матушка! Какая же ты вкусная! Твои мертворождённые принцы и принцессы, ммм, они хрустят, как французские булочки с ароматными травами! И это твоё желание, Матушка, отравить своего мужа, своего короля, солёное и густое, как кабан, начинённый креветками в карамели! «Ах, матушка, когда я вырасту, то... погоди, куда ты, куда, ещё немного, пожалуйста!»

– Ты только посмотри на себя! – всплеснула руками женщина.

Подорожник едва успел жалобно пискнуть, когда она сорвала его лист и приложила к ранке на пальце. Вороника шикнула на него и умоляюще потянулась к Матушке. Но вдруг ощутила, что не может и листочка приподнять. Голова её плода отяжелела донельзя и властно клонила весь стебель к земле. «Какого чёрта!..» – возопила Вороника, но Матушка утешительно обхватила её изящными пальцами. Вороника вдохнула сытный дух крови и впитала их дрожь, как горячая булочка крупинки цветного сахара.

– Настал наш час, моя девочка! – сказала Королева в полный голос и... одним точным, уверенным движением сорвала плод. Вороника в ужасе хотела, было, завопить... но осеклась. Больно не было! Значит, и вопить незачем. «Что... что мы теперь сделаем, Матушка?» – растерянно оглядываясь с

непривычной высоты её рук, пролепетала Вороника.

– Я отберу у него королевство! Знаешь, что задумал старый выродок? Избавиться от меня! Уже и дрянь какую-то заморскую присмотрел, думает, она родит ему живых детей! Как бы не так! Ты моя ненаглядная, кровью моей напоенная, зельями полуночного колдовства умываемая, ты готова отдать мне свою юность и красоту свою! Никуда он не денется, старый козёл!

«Что... как?... Нет, не может быть!» – опешила Вороника. А Матушка, её любимая, единственная Матушка, уже приоткрыла свои прохладные губы и поднесла бедняжку ко рту... «Матушка...» – ошалело прошептала Вороника, заморожено глядя, как раскрываются жемчужные ворота зубов и тёмный, влажный Ад распахивается перед ней в нетерпении.

«Нееееет!!!» – закричала Вороника и захлебнулась безмолвным криком, когда тело её с влажным всхлипом разделилось пополам...

– Что ж, Матушка... – начала было Вороника и изумлённо замолчала, прислушиваясь к птичьим трелям своего голоса. Откуда он идёт? Она открыла и закрыла пухлые, упругие ягодки губ. А под ними ещё столько всего, Матушка!

Вороника оглядела своё новое тело. Похлопала руками – надо же, руками! Какое дивное, оказывается, чувство, иметь конечности! И боже мой, ноги! Она приподняла тяжёлую юбку бледно-зелёного платья. Оно на глазах наливалось изумрудной густотой. Сила Матушки продолжала вливаться,

впитываться в Воронику.

– Ноги, Матушка! Я могу уйти из леса! – всплеснула руками Вороника, и захохотала, и закружилась неумело, неуверенно, но счастливая до самой тёмной и тугой сердцевинки, которую, кажется, сердцем называют. Оно дрогнуло, дёрнулось в груди, когда Вороника бросила ещё один прощальный взгляд на мёртвую, усохшую до безобразия, как молнией битая коряга, Матушку. Вороника смахнула горячую дождинку со щеки и пробормотала:

– Ты уж не ругайся, Матушка, я думала, ты меня любишь, как я тебя, а ты меня сожрать хотела! Прощай!

Свободная, на своих двух туго сплетённых послушных стеблях Вороника зашагала прочь из леса...

Двое

Этот денёк в середине июля выдался прекрасно жарким, в отличие от непомерно мрачной погоды прошлых дней. И он вдруг решил прогуляться. Вышел даже раньше времени, не утерпев – так уж сильно скучал по солнышку! Оно было ему всерьёз противопоказано, по особым причинам, но... он решил рискнуть – терять всё едино нечего!

«Сейчас ведь вообще вся природа будто взбесилась, – тихо бредя в тени прекрасных каштанов, размышлял он. – Все сезоны наперекосяк... не то, что раньше...» Ах, выражение «раньше» наводило страшную тоску на него, и он всячески избегал его. Но в этот раз как-то само повернулось – ни обойти, ни объехать! Он вздохнул, подняв голову к небу, постоял, глядя пристально в одну золотистую точку сквозь густую листву, лишь одному ему видимую махонькую точку. Может, её ещё кто-нибудь углядел бы. Но никому она не нужна, кроме одного лишь замкнутого, тихого прохожего. «Может, это глаз моего ангела? После всего, почему бы и ангелам правдой не быть? Следит за мной всё ещё... зачем только? Что со мной теперь-то может стрястись?..»

Он застыл с поднятой головой, как лишнее дерево на аллее. Неприметный, небольшого росточка худощавый человек неопределённого возраста. И можно было обнаружить некоторые странности в его облике, если присмотреться. До-

вольно молодой, что-то между двадцатью пятью и... сорока? Так сразу и не сказать. Сутулится, глаза тёмные, запавшие, щёки впалые. Небрит дня три. Весь вид несколько чахоточный, болезненный. Кутается в дурацкий пиджачок – немного не по размеру и какой-то пыльный. Аккуратная некогда стрижка отросла неровно и некрасиво, приличный человек осудил бы за подобную небрежность. Но, скорее всего, у мужчины просто не было денег на парикмахера. Весь его вид какой-то бомжеватый и потёртый. К тому же, плотно замотан в длинный, клетчатый старый шарф – это в приличный июльский вечерок среди влажного марева? Человек то и дело поправлял его неуклюжими жестами, прятал руки в карманы и снова поправлял шарф, будто боясь что спадёт. Он не потел и не дрожал, и странно, очень странно было – к чему этот шарф? Что за нужда в нём в такую жару? Но удивиться некому – все спешат мимо или рассеянно бросают взгляд и уплывают по аллее.

И вообще, никто не стал бы смотреть на него, серую фигурку на пёстрой шахматной доске жизни. И не желающего, чтобы на него смотрели. Скорее даже, меньше всего желающего обратить не себя чьё бы то ни было внимание. Если и натыкался на кого-то неуклюже, то шарахался, как безумная лошадь от собак.

А она подошла сама. Подошла к нему, представляете? Ну что, что могло привлечь её, такую молодую, такую... восхитительно красивую. Ослепительную просто!

– Молодой человек... простите...

Он не понял, что она обращается к нему. А когда понял – остекленел. Как же это, женщина... и говорит с ним?! Он запаниковал. Этого не просто не может быть, это абсолютно неестественно!

– Молодой человек... я вам не помешаю? Можно мне... кхм, вы удивитесь, конечно, но... можно мне рядом с вами постоять? Там такая золотая точка проглядывает, с другого места не видно!

– А... да-да, конечно! Что вы! – он поспешно отпрянул, не понимая и не веря ещё, что она именно о том и говорит. Она скромно улыбнулась и встала рядом, подняв голову к небу. Он застыл, неприлично разглядывая её. Как она прекрасна! В длинной серой юбке, твидовом жакете и тёплых перчатках. Огромные, густо подведённые глаза, алый рот. Так прекрасна, что хотелось зажмуриться и прислониться к ней. «Сердце остановилось, – подумал он, и горько усмехнулся, – да давно уже». А она смотрела завороженно и не дыша на эту точку в небе. И была такой родной, такой... милой, такой своей! Если бы он мог объективно смотреть, так ничего особенного » худощава, большеглаза, росту среднего. Но он млеял и таял, и если бы мог думать в тот момент, то точно благодарил бы богов за дарованный миг стоять с ней, чудесной, рядом. Он забыл обо всём, он грелся... даже шарф упал, а он не заметил, тёплый от её присутствия.

– Милая... – прошептал он произвольно.

– А? – вздрогнула она и посмотрела на него.

– Вы извините, я... – тут она пожала плечами, и он ощутил пугающую дрожь – он смутил её?

– Я пойду, не буду вам мешать, вы извините, я не хотела, чтоб вы подумали обо мне...

– Нет-нет, что вы! – промямлил он, теряясь.

– Я пойду, помешала вам, наверное, спасибо! – она быстро развернулась и, ссутулившись, зашагала прочь. Он стоял и в отчаянии смотрел ей в худую, сгорбленную спину. Неужели?.. Нет, она не должна уходить! Тёплая, милая, нет!

– Погодите! – закричал он, бросаясь ей вслед. Шарф был забыт, не глядя затолканный в глубокий карман пальто. – Ради бога, девушка!

– Да? – она обернулась с такой надеждой и тоской в глазах, что он чуть не схватил её в объятия.

– Я... это... – промямлил он, ища свой шарф на шее и не находя. – Я хотел вас спросить, вы... – тут он опустил голову, чувствуя, что не знает что сказать, и в ужасе от своей беспомощности. – Вы правда видели ту точку? – ему было очень неудобно без своего шарфа, и он тёр горло, глазами собаки заглядывая ей в глаза. Непроизвольно прикрыл шею руками, и ему стало легче. А она, если бы могла, если бы не была так зачарована им, точно заметила бы, конечно, его странные и пугающие шрамы на шее. Но она смотрела в его печальные глаза Пьеро и, нежно улыбаясь, говорила:

– Да, я видела её... я просто подумала, что такой человек,

как вы... вы ведь смотрели в небо, я решила – вы видите её, но... не знала, как сказать! – она мило пожала худыми плечами. – Вы видели, да?

– Да. Дело в том, что... боже, что я хочу сказать? – про-
бормотал он. – Да, я видел, и то, что вы сами сказали...

– Да, я понимаю, – она взяла его за тонкие пальцы и нежно
пожала их. – А вы не спешите, нет? – спросила она.

– Нет-нет, что вы! – поспешно ответил он и, грустно пожав
плечами, добавил: – Мне сейчас некуда спешить.

– Да и мне тоже! – грустно покачала она головой. – А мо-
жет, это и хорошо? Мы ведь можем погулять теперь с вами
вместе? – и тут же спохватилась: – Ой, а ничего, что я сама
вам предлагаю прогулку?

– Ой, извините, я сам должен был это сказать, ведь думал!
– спохватился он.

– Да ничего, что вы! – хрипло рассмеялась она. – Идём?

– Идём! – просиял он.

И нежный воздух вокруг них наполнился искрящимися
капельками, ещё не любви, но взаимной увлечённости...

Вскоре они утомились и опустились на лавочку в тени
нежных, шепчущих друг другу влюблённую чепуху берёз.
Он читал ей Бодлера, отчаянно путаясь, а она смотрела на
него во все глаза. Он тоже не сводил взгляда с неё. Но прохо-
жие косились странновато на его поднятый воротник глупо-
го пиджачка, на её шерстяную длинную юбку... Вокруг де-

вочки с модными открытыми животиками, а эти закутались не по сезону!

«Да уж, чего взять со старичья лет под сорок?» – наверняка думали эти голоживотые девочки, расправляя плечики, моментально забывая странную парочку наркоманов в возрасте. А кто же они ещё, если и издали видны тени под глазами, сутулость, иссушенная худоба?

Но он держал её за пальцы, и оба светились от нежданного счастья.

А солнце распалилось не на шутку, будто стараясь согреть зябнувших не по сезону.

– Николай, я... – замялась вдруг она. – Вы знаете, я солнце плоховато переношу, может, пойдём ко мне, продолжим беседу?

– Ой, а я тоже! – просиял он наивно, как ребёнок. – Я тоже не переношу яркого солнца!

– Вы шутите? – округлила она глаза.

– Нет, я радуюсь, как же много у нас с вами общего!

И они едва ли не вприпрыжку, как могли быстро заторопились по аллее и сквозь дворы, сокращая дорогу. Она держала его всё так же лишь за пальцы, а когда он пытался взять поплотнее, её ладонь аккуратно соскальзывала, и он решил, что она удивительно хорошо воспитана. «Ах, ну надо же, какая редкость!» – восхищённо обмер он. А сам всё прятал горло под воротником, боясь, что она заметит его уродливые шрамы и всё его убожество вывалится перед ней, как позор-

ный ворох ворованного грязного белья...

– Ну вот, моё скромное жилище, – она смущённо посторонилась в тёмном коридорчике типовой хрущёвки, пропуская его.

– Да-да... – он терялся всё больше и не знал, что говорить и делать. Вы пока... кхм, раздевайтесь, а я пойду, пожалуй, чайничек поставлю? – вопросительно-стеснительно посмотрела на него она, поправляя волосы неровным движением. «Я стесняю её», – растерянно прислонился он к стене и дёрнулся, не зная, куда себя деть. «Она же приличная девушка, воспитанная, а тут мужик случайный в доме, наверное, не надо было так развязно соглашаться на визит. Она же просто из вежливости пригласила?»

– Николай, вы где? – позвал её тихий, хрипловатый голосок.

– Да-да, Машенька, я иду! – ответил он и торопливо проскользнул на кухню. «И зачем я её так... фамильярно?» – снова забеспокоился он, уловив её потемневший взгляд. «Наверное, тороплюсь, дурак, сбавить бы обороты...»

– Вот моя кухня. Места, конечно, мало, – она нервно рассмеялась, сминая линялое полотенчко в руках.

– Ну так и что, у меня тоже не ахти... – поспешно выдал он и сразу пожалел о сказанном. «Кретин, чего несу? Осталось только проболтаться про свой... эээ...» Ему даже думать правду было страшно – казалось, она прочитает это в его глазах и в ужасе отшатнётся! Тогда ему придётся умереть

еще раз...

– Да? – ответила она и отвела глаза. «Что за дура, притащила так некстати человека к себе, что подумает теперь... Как бы перчатки снять, чтоб не заметил шрамы эти проклятые? Чай в перчатках пить, глупость какая, ой и дура я!»

– Маша, а вы... – он и сам не знал, что собирался сказать: – Вы одна живёте? – и снова смутился. «Решит, клеюсь, боже упаси!»

– Да, одна, – ответила она, рассеянно отворачиваясь к чайнику.

– И я. Знаете ли, и наверное, даже лучше, да? – опять невпопад сказал он.

– Николай... вы... не смотрите, если я перчатки не сниму, я просто... у меня руки постоянно так мёрзнут, что я не могу без них ничего. Вам пусть странно не будет, я... я чаю налью сейчас! – она подняла глаза на него с такой надеждой и отчаянием, что он сумел только кивнуть.

– Вот и ничего, вот и хорошо... – кивнула она в ответ, размещая чайник на подставке. Торопливо поставила на стол две чашки, бросила в каждую пожелтевший старый пакетик. Села напротив него и попросила:

– Николай, вы не обидитесь, я попрошу вас самого чаю налить...

– Да-да, ничего, сейчас! – вскочил он. – Мне, Маша, приятно за вами поухаживать!

Налил деревянными руками кипятку и уселся на своё ме-

сто. Но пить не стал.

– А что вы не пьёте? – спросила она, хотя сама тоже к чашке лишь руками притронулась.

– А вы? – улыбнулся он, извиняясь.

– А мне... ой, я, наверное, совсем странная, но я чай не пью, извините! – торопливо пробормотала она, смущаясь ещё сильнее.

– Так и я не буду за компанию с вами, можно? – облегчённо отодвинул он чашку. «Вот и отлично, – решил про себя он. – А то не знал, как бы ей сказать, что куда мне чай, да ещё горячий...»

Ну тогда, может, давайте я вам покажу... кхм, покажу своё жилище! – бросив на него неуверенно-тёмный взгляд, предложила она.

– Давайте, конечно! – он ухватился за это предложение, как тонущий жучок за соломинку.

Они прошли в комнату. Обычный такой зал, ничего особенного – стол, картина «Три медведя», телевизор. Дешёвые китайские шторы наглухо закрыты, пыль на полочках бежевой «восемидесятнической» шкаф-стенки, книжки в потрёпанных корешках: Стругацкие, Томас Манн, фантастика какая-то нарядная, толстый плюшевый диван-софа. Дом как дом, если бы не запустение и мрак. Ему не надо было ничего объяснять, она это чувствовала, но слова извинений так и толклись в горле, так и прыгали на языке. Она упрямо сжала зубы – ей не за что извиняться, она не виновата, её довели!

– Как у вас... – он подбирал слово, чтоб не обидеть. – Уютно...

– Да что вы, Коля, меня дома... в общем, не было давно, ой, то есть... как бы не было, я больна была, в больнице пролежала, и некому было ни цветочки полить, ничего.

Она отодвинула штору:

– Вот, смотрите, завяли!

– Жаль! – покачал он головой на сухие, пожухлые буздылики в горшках.

«Так и “живу” у себя дома, никому не нужная, никем не замечаемая, даже соседи не признают всей правды», – горько подумала она, на мгновение отвернувшись.

– Я и не знаю, как решилась на улицу-то выйти сегодня, мне вроде как... не рекомендуется!

– Да и я, знаете, тоже по наитию какому-то сегодня вышел, а так-то я домосед! – жизнерадостным идиотом ответил он. – За уши не вытащишь на солнце, да и тоже... нельзя.

Он осторожно потёр шею, коротко глянув на неё – не смотрит ли она на его шрамы? Но Маша или и правда не видела ничего такого, или просто не хотела видеть. Он вздохнул спокойнее.

– Я... я на секунду бы отлучился, если вы...

– Нет-нет, что вы, в коридоре вторая дверь!

– Спасибо, – кивнул он благодарно. Прощмыгнув в коридор, поспешно обшарив вешалку, вытащил из кармана пальто шарф и заперся для вида в туалете. Там он, проклиная се-

бя за рассеянность, замотался шарфом и стал лихорадочно придумывать, как бы оправдать столь неуместную вещь... Долго засиживаться неприлично... И, так ничего не придумав, он рискнул выйти без объяснения, а если оно потребует, то попытаться отделаться экспромтом. Он чувствовал себя невыносимым болваном, но ситуация приняла совсем уж отчаянный оборот!

Она стояла спиной к нему и смотрела в окно. Он, помявшись, деликатно кашлянул. Она, вздрогнув, обернулась:

– Ох, Николай, вы меня испугали немного! – и хриловато рассмеялась, но так невесело...

– Я? – он совсем потерялся. – Так я, Машенька...

– Нечаянно вы, знаю! – снова выручила она.

– Ага! – он улыбнулся, извиняясь, и хотел было уже сесть, но она взмахнула руками:

– А давайте с вами покурим!

– Ой, да я... – он не курил, но сейчас это так важно. – Давайте!

Они взяли из мятой линялой пачки по пропыленной, слезавшейся сигарете. Она подала ему спички, он нервно чиркнул одной и сломал. Попытался поджечь вторую – и она треснула пополам. Он вспыхнул от стыда так, что от него самого можно было сигарету поджечь, но она тепло улыбнулась ему и, вынув коробок из трясущихся, грубых рук, легко и изящно подпалила кончик своей сигареты сама. Затянулась, выдохнула, передала тлеющую вонючую палочку ему... Он,

едва не застонав от благодарности за её чуткость, сжал сигарету двумя пальцами, затянулся и улыбнулся ей широко, по-детски, совершенно влюблённо...

Тут, наверное, общей сигарете и сделать бы дело «трубки мира», и он бы, покурив вместе на балконе, осмелел от её кокетства и принялся травить смешные байки, и они хохотали бы, как дети, а потом он даже обнял бы её, и им было бы так хорошо, тепло и просто вместе, будто они подростки, и всё так безоблачно и чудно... Когда бы не одно но... Ничего подобного. Конечно, им очень-очень этого всего хотелось, простой и идиллической картинкой, чтоб потянуться к нему-ней, тихо вторя один другому: «Как хорошо, что у меня теперь есть ты!» Нет. Он не смог. Она не подалась к нему. Слишком неуютно им было от самих себя. Слишком страшно и грустно, потерявшимся и больным...

Так и просидели по своим углам, перебрасываясь ободряющими и робкими фразами, стараясь не смотреть на шарф и перчатки. Пока не стало неприлично поздно, и она нехотя намекнула, что пора обоим и честь знать.

– Что ж, Коля, до завтра! – улыбнулась она на пороге, пожимая его ладонь пальцами в перчатках.

– Да-да, Машенька, я приду, непременно ждите! —горячо подался он к ней, но она мягко отстранилась:

– Я буду, только вы идите сейчас, ведь поздно!

И он ушёл, окрыленный. Каждый из них остался в своей арктической, оглушающей пустоте.

– Мне почти сорок лет, и уж в таком-то возрасте глупо стесняться того, что ты... э-э, не совсем как все! – сказал он себе, глядя в летний антрацит ночного неба. «А сорок один тебе никогда не будет!» – насмешливо подмигнули звёзды, и он отдёргнулся от этой злой правды, как всегда.

Но раз они не такие оба, вроде есть какая-то надежда, верно? Приоткрыв шторку, она жадно смотрела ему в спину, умоляя глазами: «Вернись, приходи завтра, а лучше сейчас, у нас так мало времени!» С разложением трудно спорить, она уже наполовину прах, один только этот пергаментом хрустящий голос... Это всё ненадолго, ненадолго! Природа дышит ей в спину, сидит на плечах и вопрошает: «А ты почему до сих пор на ногах? Ну, погоди, я до тебя доберусь, что там тебе осталось – пару недель, и то если протянешь».

– Да и хотя бы... – кинула на стол она свои надоевшие перчатки и, скривившись в отвращении, посмотрела на грубо склеенные почерневшие раны запястий. «Завтра же попрошу его остаться. Да какого чёрта я из себя порядочную деву корчу, зачем мне теперь это ваше идиотское воспитание?» – разозлилась она и, резко распахнув створки шкафа, выхватила фото родителей в рамке, швырнула об пол с сатанинской силой. «Это всё из-за вас, из-за этих ваших моралей – любовь одна, траляля, верность, честность! Лучше бы я шлюхой была, которую какой-то чужой девкой не проймёшь».

– ну ушёл, так катись на все четыре стороны, я б не рыдала, и уж точно за разбитые стаканы хвататься бы не стала!», – молча кричала она и прыгала коваными каблуками изящных ботинок по битому стеклу, растирая его в пыль на суровых лицах отца и матери...

А он брёл, шатаясь, как под хмельком, глядя себе под ноги на тёмную ленту асфальта, и смущённо кутал в свой пресловутый шарф чарушие мысли о ней, будто если их не беречь, даже мысли растают, рассыпятся прахом... Как чудно, нежданно-негаданно, встретить такую женщину! Ему в жизни не везло никогда, даже десять рублей не находил на улице, что уж о женщинах говорить... При них он жутко робел, стеснялся до дрожи, а уж если те ему нравились – то лучше сразу бежать, прежде чем опозоришься бесповоротно! В то, что он непременно, строго обязательно сядет в лужу, стоит ему только рот открыть, он был убеждён так сильно, что даже не пытался привет никому из девушек сказать. Так зря и промечтал о воспитанной и милой жене, двух детишках, рыжей собаке... Не вышло, опоздал, не успел. И есть в этой встрече какая-то вселенская справедливость! Наверняка же для того он и задержался после... Он не был религиозен, да как-то и некрасиво было бы верить в бога ему, университетскому преподавателю высшей математики, но кто, если не бог, проявился так явно, так безоговорочно в том, что он вообще ещё Здесь, а не Там? Он вообще не ожидал никакого

Там, и как же странно. Но как же волшебю, что ли, не просто быть Здесь, а даже и встретить симпатию... женщины... к нему? Это даже большее чудо, чем его небывалое, недоказуемое бытие... Маша, Машенька, не снитесь ли вы мне?..

Он робко перебирал жемчужные бусины своих чувств, едва касаясь, страшась их ледяной безысходности. Но вдруг это еще не всё и завтра он на самом деле снова придёт к ней? Такой хрупкой и хриплой, с её тёмными беспокойными глазами, и порченными запястьями, такой... нежной и грустной, такой своей.

– Ведь у нас и то надежда есть, – тихо сказал он и потёр шею под шарфом. – Уж больно неуютно в одиночку среди живых...

Лучок

Электричка помахала Артёму хвостом и унеслась в свой призрачный драконий мир за дальними далями. Парнишка даже не оглянулся на протяжный вой. Он спрыгнул с перрона и улыбнулся косому от времени указателю «Романовка», как родному. Романовка... в этом слове звенят натянутые солнечные струны, и кузнечики орут, как сумасшедшие, и тёплое козье молоко разливается по кружкам, и хлеба подсолённого ломоть, и яблоки кислые, зелёные, самые вкусные на свете! Бабочки разлетаются веселыми брызгами, стоит только занырнуть в ароматную дымку полевых цветов! А ещё – россыпь звёзд, неведомых, волшебных, усыпавших тёмное бесконечное полотно, будто дикая небесная земляника. И дед лежит рядом, на горячем шифере крыши, чертит грубой-ласковой рукой линии: созвездие Орла, Гончих Псов, Большая медведица... «Мама твоя тоже любила маленькая вот тут лежать», – вздыхал дед, и Артём зажмурился, чтобы не заплакать. Всё это – когда-то давно, а сейчас мальчишка шагал через высокую траву, напевая легкомысленную чушь, подхваченную, как ветрянка, через радио. Жмурился, стараясь не тонуть в горьких мыслях.

Мама... Дедова дочь. Утонула она. Самым идиотским способом. Захлебнулась чаем, и никого рядом не было постучать промеж лопаток, вытряхнуть воду из дыхательных

путей. Как же странно и зло природа пошутила, разместив в теле настолько враждующие между собой части! Восьмилетнего тогда Тёму это открытие поразило до самых тайных и ледяных закоулочков души. Он передумал становиться доктором. Даже набор свой игрушечный выкинул – тот только против плюшевых болезней был хорош, а с реальностью не справился даже настоящий врач. Наверяд ли человеку подвластна эта коварная сила, и всё, что врачи могут на самом деле – беспомощно ковыряться в ужасе перед этой мрачной бездной, называемой Смерть!

Со своим сиротством Тёма ещё сильнее прикипел к деду – он и раньше был родным и добрым великаном, но теперь... теперь дед – это всё, что осталось от мамы. С отцом у Артёма никогда не ладилось, холодный он и закрытый человек, да попросту сухарь чёрствый. Мальчик его боялся и не любил, отец к нему как будто вообще ничего особого не испытывал. Мама служила им отважным единственным связным. Тёма понимал, что маму отец любит... любил, вернее. И наверное, ему было бы проще без живой, лопочущей помехи между ними. Из родительского мира, разрезанного на половины – холодную со стороны папы и горячую по мамину сторону, мальчишка всегда охотно сбегал к деду. Уж тут его никто не мучил своим сухим, колючим «угу» на неуклюжие попытки сблизиться. Особенно с тех пор, как дед решил уехать из города в деревню, Тёму вообще за уши было не вытащить, он даже добрый кусок сентября мог проотлынивать от школы

под мощным, упоительно надёжным крылом деда.

Скрипнула косая калитка, и сердце парня скрипнуло в ответ. Сдаёт старик... Едва заметными трещинками пошло его добротное хозяйство. И почему он не женился после бабушки? Тёма едва помнил её. Остался только смутный хлебный запах русских волос и козье-молочный грубый аромат передника. Кажется, рука у бабы Тоси была лёгкая и ласковая, если Тёме это не приснилось. Как она гладила его по голове и что-то приговарила об озёрной воде. Волоски шевельнулись на затылке, будто было в её напутствиях что-то страшное. Наверное, запрещала ему в одиночку купаться бегать. Эх, баб Тося, сейчас бы твоему старичку – нашему старичку, пригодился бы женский пригляд! Чего он тут один доживает и в город ни в какую не хочет, отпирается – здесь помру, и точка! Упрямый он, дед! Силища!

– Дед, ты дома? – радостно крикнул Артём в приоткрытую дверь и с наслаждением вдохнул тёплый, родной дух дедова дома. Прозвенела сонная муха да где-то мекнула коза.

– Дед? – крикнул парень погромче. Дед не отвечал, видать, на огороде или в хлеву дела творит.

Косые лучи делили сенцы на полоски. В воздухе кружилась золочёная пыль. Артём сбросил тесные новые кроссовки и с удовольствием прошёлся босыми ногами по тёплым скрипучим доскам.

Вот это – его настоящий дом! Большой, добротный, истинный! Любимые деревенские хоромы! Тёма потянулся и

почти упёрся в потолок. Он опустил руки и покатал горчинку во рту. Со временем дом как будто съёжился. Тёма, конечно, понимал, что это не дом сдал, а он сам попросту вырос. Пацанёнком ему тут было просторно, как в замке! Дом был как целый мир, окружённый морем: зелёным и беспокойным – летом, белым и штормовым – зимой. Сенцы были предгорьем, полным таинственных существ, что шуршат, вздыхают и настороженно следят за тобой из каждого тёмного угла. Зал – роскошной тронной залой короля, деда Миши, а сам Тёма – славным рыцарем, которому дозволено запрыгивать на королевские колени без приглашения. И орать, и носиться сломя голову через слабо освещённую, мрачную прихожку в кухню, а оттуда пробираться с фонариком в хлев, к рогатым страшилищам. Козы были безобидные, небодучие, чуточку шкодливые. Но Тёме, конечно, представлялось, что хлев – логово нечистой силы, полное опасных расщелин и пещер... Он, ловкий и незамеченный, подкрадывался к огнедышащим коварным тварям, держа наготове свой верный меч Зарубай, в голове его зрел хитрый и отчаянный план! Победа была у него в кармане, он даже успел сочинить речь, с которой выложит перед изумлённой толпой других рыцарей-недотёп головы поверженных врагов, держа их за рога! И все бы ахали и восхищались, когда бы дед не помешал! Вошёл с ведром комбикорма и как гаркнет: «Да ты не таись, они не бодаются!» Пришлось драконов не рубить мечом, а приручать хлебушком. Добрую часть горбушки, конечно,

Тёма слопал сам, а остатки собрали тёплыми, бархатными губами Минька да Ветка. Эх, были времена! А какая была еда! Дед потрясающе готовил, даже бабушку отгонял от печи, мол, сам! И наверняка это полотенце на столе скрывает горку чего-то офигенного!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.